

а также отчасти южновепского, хоть и не в полной мере, можно считать наследником древнего прибалтийско-финского явления гармонии гласных, которая сказывается до сих пор, определяя различные стороны его языка и участвуя в формировании ареальных особенностей вепской речи.

Список сокращений

En = Enarv, Озера Подпорожский район, Ленинградская область;
Har = Haragl, Харагеничи, Тихвинский район, Ленинградская область;
Jä = Järved, Подпорожский район, Ленинградская область;
Kor = Korbal, Корбиничи, Тихвинский район, Ленинградская область;
Ladv = Ладва, Подпорожский район, Ленинградская область;
Mai = Maigär', Боброзера, Бокситогорской район, Ленинградская область;
Mg = Mäggär', Мягозеро, Подпорожский район, Ленинградская область;
Nem = Nemž, Немжа, Подпорожский район, Ленинградская область;
Noid = Noidal, Нойдала, Тихвинский район, Ленинградская область;
Nür = Nürgl, Нюрговичи, Тихвинский район, Ленинградская область;
Pec = Pecoil, Пелдуши, Подпорожский район, Ленинградская область;
Rih = Rihaluine, Подовинники-Азмозера, Подпорожский район, Ленинградская область;
Reb = Rebagj, Ребов Конец, Тихвинский район, Ленинградская область;
Vil = Vil'häl, Ярославичи, Подпорожский район, Ленинградская область.

Литература

Вопросник «Лингвистического атласа вепского языка» // Вепские ареальные исследования. Петрозаводск, 2013.
ALFE = Atlas Linguarum Fennicarum, I–III. Helsinki, 2004–2010.
Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä, I–II. Helsinki, 1920, 1925
Kettunen L. Vepsän vokaalisoinnun iästä // Virittäjä. Helsinki. 1935.
Posti L. Vepsän vokaalisoinnusta // Virittäjä. Helsinki, 1935.
Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Toimituksia, 228. Helsinki, 1946.
Wiik K. Vepsän vokaalisointu // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1989.

Ирма Ивановна Муллонен, Елена Григорьевна Сойни
*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

Д. В. БУБРИХ И «КАЛЕВАЛА»*

Знаменитый памятник эпической поэзии «Калевала», созданный на основе рун карельского и финского народов, стал подлинным «посредником» в русско-финских культурных контактах в 1930-е годы, когда встречи писателей соседних стран, совместные выставки, переводы произведений на языки друг друга практически прекратились. Для «Калевалы» не существовало границ. Но общее национальное наследие карелов и финнов с конца XIX века воспринималось как древний памятник финской литературы западно-финского происхождения.

Идеи фольклориста Юлиуса Крона, автора географо-исторического метода, и особенно его сына Каарле Крона долгое время занимали лидирующие позиции в финской фольклористике. В фундаментальном исследовании «Kalevalan runojen historia» («История рун «Калевалы»), открывшем новый этап в изучении фольклора и особенно в его систематике, Каарле Крон утверждал миграционную теорию движения фольклорных сюжетов с запада на во-

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-0266 «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века».

сток и даже предлагал схемы и карты. По словам Э. Г. Карху, предлагаемые им схемы и выводы были «отвлеченными, без достаточного исторического наполнения» [Карху 1994: 24].

На вопросы, поставленные в названиях глав: «Где возникли калевальские руны?», «Когда возникли калевальские руны?» – Крон отвечал достаточно конкретно: в Западной Финляндии в эпоху католицизма, а «карельские рунопевцы только сохранили калевальские сюжеты» [Krohn 1910: 824–825]. Беломорская Карелия была у Крона хранительницей западно-финского наследия, а острову Готланд он «оказывал» честь быть целью походов калевальских викингов. Такой, «западно-финской», «Калевала» вернулась в Россию.

В канун столетия со времени первой публикации «Калевалы» в Финляндии издательство «Academia» решило выпустить первое издание «Калевалы» в СССР на русском языке. (Полный перевод «Калевалы», выполненный Леонидом Бельским, доцентом Московского университета по предложению и под руководством академика Федора Ивановича Буслаева, издавался перед революцией два раза: в 1888 и 1915 годах). Оформление эпоса было предложено Павлу Николаевичу Филонову. «Я отказался, но мы договорились, – вспоминал художник, – что эту работу сделают Мастера аналитического искусства – мои ученики под моей редакцией» [Филонов 2000: 121]. Инициатором издания выступил полпред СССР в Финляндии Иван Михайлович Майский (с 1932 г. советский посол в Великобритании), прекрасно понимавший, какое значение имеет «Калевала» в современной истории. Майского, по его признанию, консультировали профессора Гельсингфорского университета Иосиф Миккола и Вильо Мансикка, и в предисловии чувствуется знание советским дипломатом взглядов на «Калевалу» современных ему финских фольклористов.

Автором вступительной статьи, состоящей из четырех разделов и примечаний, был Д. В. Бубрих (1890–1949), член-корреспондент АН СССР, основатель советского финно-угроведения, будущий директор Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. В год работы над «Калевалой» Дмитрий Владимирович был профессором Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Перу ученого-лингвиста, знавшего финский язык, принадлежала статья о «Калевале» в «Литературной энциклопедии» 1931 г., возможно, поэтому Дмитрию Владимировичу было предложено написать вступительное слово к первой советской «Калевале», отредактировать перевод Л. П. Бельского и дать эстетические установки будущим иллюстраторам. Редактура Бубриха касалась прежде всего собственных имен. В примечаниях, составленных ученым, собственные имена были исчерпывающе прокомментированы, а в предисловии прослежена этимология имен главных героев. Что же касается непосредственно истории происхождения рун, то в этом вопросе Бубрих полностью разделял взгляды Каарле Крона, приводя следующие выводы ученого, возглавлявшего финскую школу фольклористики:

«1. При изучении рун «Калевалы» обнаружилось, что исторические корни этих рун идут вовсе не по линиям связей финнов с другими так наз. финно-угорскими народностями, а по линии связей финнов с другими народностями ближайшего окружения Балтийского моря, особенно с германцами, как эти связи сложились после начала нашей эры. Тем самым оказался нанесен тягчайший удар тем построениям, которые ищут корней каких угодно культурных явлений в «пранародностях» с их «пракультурами» и «праязыками».

2. <...>. Такое громадной важности культурное явление, как руны «Калевалы», оказалось явлением, отнюдь не связующим финнов и карел культурно, ибо совершенно ясно не финно-карельское его происхождение, а финское. То обстоятельство, что руны «Калевалы» оказались известны не только финнам, но и приграничным карелам и у последних сохранились особенно хорошо, не должно толковаться неверно. Проникновение рун «Калевалы» к приграничным карелам – явление весьма позднее и притом затрагивающее не больше, чем именно приграничных карел, составляющих 67 % карельского населения. Остальные 93–94 % карел рун «Калевалы» не знают и никогда не знали» [Бубрих 1933: XVI–XVII].

В советской науке изучение «Калевалы» только начиналось. Статьи Г. Х. Богданова в «Карельском сборнике», Лаури Летонмяки, в его «Истории Карелии» («*Karjalan historia*») Б. Г. Островского в журнале «Карело-Мурманский край» – пожалуй, это все, что было напи-

сано о «Калевале» в 1920-х годах. И тот факт, что Бубрих знал многотомные исследования Юлиуса и Каарле Кронов, Эмиля Сетяля, Т. Карстена, говорит о блестящей эрудиции ученого. Естественно, он во многом шел по их следам, выражая общепринятые в те годы взгляды на «Калевалу», принимая миграционную теорию К. Крона и вслед за ним усиливая значение героев-богатырей и воинских сюжетов: «Образы героев «Калевалы» – это образы викингов, неугомонных воителей, бороздящих моря, озера и реки в поисках военной добычи <...> до нас доносится шум смелых грабительских поездок квенов (финской военной организации XI в. – *авт.*) и им подобных к острову Готланду.<...> Поездки эти воспевались при дворах конунгов самими конунгами или специалистами-скальдами» [Бубрих 1933: XIII–XIV]. К этим работам, пишет Э. Г. Карху «теперь следует подходить исторически» [Карху 1994: 39–40]. Надо заметить, что Д. В. Бубрих был любимым учителем Э. Г. Карху. «Его речь, его суждения, то, что он говорил о финно-угристике, поражало, – вспоминал Эйно Генрихович. – Я слушал как легенду его лекцию о финском ученом М. Кастрене и других исследователях, совершавших дальние поездки в Сибирь в трудное время. Бубрих вызывал восторг. Было видно, что он понимающий интеллигентный человек, восхищавшийся научным подвигом других людей. Это подкупало. Но были и никчемные преподаватели, в том числе те, кто загубил Бубриха. Хотя Бубрих их сделал кандидатами наук» [Сойни 2013: 25–26].

Политическая ситуация 1930–1940-х годов сделала невозможной научную дискуссию о статье Д. В. Бубриха. При подготовке юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы», целому комплексу научных проблем придавался политический характер, все возможные разговоры не только о западно-финском, но и вообще финском происхождении рун пресекались. И в первом номере журнала «На рубеже» за 1949 год в заключении раздела, посвященного 100-летию «Калевалы», Бубрих «отрекается» от своей вступительной статьи: «...вступительная статья и примечания были грубой моей ошибкой. <...> Я свою ошибку безоговорочно признаю. Я жестоко ее осуждаю. В ходе своей научной работы я уже давно от нее отказался» [Бубрих 1949]. Статья Д. В. Бубриха «Из истории Калевалы» становится предметом специального анализа лишь в 1950-е годы, сначала в исследовании фольклориста В. Я. Евсеева [Евсеев 1957, 1: 59–60], затем в статьях литературоведов Э. Г. Карху [Карху 1994: 39–40] и Н. А. Прушинской [Прушинская 1988: 71–82].

Между тем объяснить позицию Д. В. Бубриха можно, используя и лингвистический подход. Почему из двух существовавших в довоенное время в финляндской фольклористике теорий происхождения рун Калевалы: 1) исходившей из праприбалтийско-финских их истоков (см., например, работы В. Салминена) и 2) ведшей их из средневековой западной Финляндии (К. Крон) – Бубрих выбрал последнюю? Он никогда не был сторонником праязыковой теории возникновения языковых семей, отдавая предпочтение так называемой волновой теории – одной из разновидностей контактной теории, и считал, что в формировании финно-угорского единства ареальные факторы играли более важную роль, чем генетическое родство. Поэтому ему была чужда позиция Салминена, что руны являются древним общим достоянием карелов, финнов, эстонцев и других прибалтийско-финских народов, возникшим в период существования гипотетического праязыка на территории гипотетической общей их прародины.

Бубрих подошел к проблеме не столько как фольклорист, сколько с позиций исторического языкознания, причем как сторонник контактной теории. Вряд ли стоит его обвинять в фольклористической некомпетентности. Он, собственно, излагал позицию наиболее известной на тот момент фольклорной школы Кронов, которая, очевидно, в ряде моментов согласовывалась с его языковедческими воззрениями того времени.

В частности, важным исходным источником для Бубриха оказался именник действующих персонажей. В соответствии со списком «богов» разных финских племен, приведенным Микаэлем Агриколой, и Вяйнямейнен, и Илмаринен, и Ахти, и Тапио, и сыны Калевы – важнейшие персонажи Калевалы – являются богами Еми (Name), в то время как боги Корелы совсем иные. Это естественным образом наводило Бубриха на мысль о западных истоках Калевалы. Впоследствии он, как известно, пришел к другой интерпретации этого списка, обра-

тив внимание на полное отсутствие в нем общих богов еми и корелы, вызванное, как он предположил, произвольным распределением представителей языческого пантеона между емью и корелой Агриколой. По мысли Бубриха, список проповедника Агриколы тенденциозен и направлен против «языческих мерзостей», главные из которых он приписывал кореле, в связи с чем именно в карельской части списка приведена наиболее сильная «нечистая сила» [Бубрих 1950: 49]. Тенденциозность списка Агриколы признается и современной фольклористикой, правда, исходный посыл предлагается иной, а именно попытка Агриколы создать подобие известных греческого и римского пантеона из 12 божеств, каждый из которых соответствует определенному месяцу [Наавио 1959]. В любом случае, список оказался не столь надежным источником «некарельскости» рун, как это виделось первоначально Бубриху.

Другим подтверждением западно-финских истоков калевальской поэзии выступали для Бубриха сами этимологические истоки имен действующих персонажей. О некоторых он упоминает в предисловии, другие приводятся в комментариях. Значительная часть именника имеет скандинавские истоки, признававшиеся и основателями прибалтийско-финского исторического языкознания, и признающиеся современными этимологическими источниками. На протяжении десятилетий происходит определенная коррекция [см. SSA] ряда этимологий в сторону прибалтийско-финских истоков (например, *Ахти*), а для других, наоборот, приводятся дополнительные доказательства германского происхождения имен (например, *Лоухи*). Многие этимологии до сих пор спорны (среди них *Калева*), или их просто нет. Все это свидетельствует об исключительной сложности материала. Понятно, что Бубрих опирался на предшественников, и приведенный к предисловию список источников свидетельствует о его широкой начитанности в этой области.

При этом наукой оказался не оценен собственно лингвистический потенциал проделанной Д. В. Бубрихом работы в связи с публикацией «Калевалы». К примеру, одним из лексических подтверждений привнесенности рун в карельскую языковую среду он считал лексему *susi* ‘волк’, которая широко бытует в текстах рун (60 упоминаний на фоне 4 употреблений синонимичного карельского *hukka* [см. Turunen 1979: 318]), при том, что она является западно-финским словом и не была по-настоящему морфологически освоена рунопевцами [Бубрих 1933: XII]. Последующее исследование показало, что слово *susi* присутствует в ряде восточно-финских и карельских говоров в составе некоторых застывших выражений, загадках, поговорках, причем действительно в незакономерном виде: падежные формы образуются не от исторически правильной основы *sute-*: **sude-* (> *suve-*), а от представленного в номинативе *susi-*, иногда *suse-*: в говорах Кайнуу *meni suseksi* ‘о деле, которое провалилось не удалось, сорвалось’ [Palander 2013]. Целый ряд примеров вторичного, т. е. непрямого использования лексемы *susi* (в незакономерном виде *suzel*, *suzekse* и т. д.) в собственно карельских (и в некоторых ливвиковских) говорах приводит словарь карельского языка [KKS], а этимологический словарь SSA на основе этих фактов полагает, что слово является в карельском финском заимствованием. Иначе говоря, современная лингвистика полностью подтвердила безупречность языковедческих рассуждений Бубриха. Другой вопрос, может ли этот языковой факт свидетельствовать о западных истоках тех рунопевческих текстов, в которых он присутствует.

И в предисловии, и в примечаниях, и в публикации 1950 г. есть некоторые собственные этимологии Д. В. Бубриха, которые, кажется, прошли мимо внимания прибалтийско-финского исторического языкознания, будучи опубликованными в нелингвистическом источнике. Среди них очень привлекательная интерпретация названия озера *Aloe* или *Alue*, которое известно в восточно-финских и карельских вариантах сюжета о рождении ветра. Бубрих корректно реконструирует его в виде **Alodeh*, **Aludeh* ‘низинная местность’, который убедительно сопоставляет с *Aldoga* [Бубрих 1950: 149]. (ср. известное еще со времен Н. М. Карамзина сопоставление названий *Ladoga* и *Aldeigjaborg* – др.-сканд. название крепости Ладога). Если исследователь прав, то руны донесли до нас древний облик названия Ладожского озера и подтверждают истинность этимологической реконструкции *Aldeigja-* – *Ladoga*. К сожалению, находка Бубриха оказалась вне поля лингвистической дискуссии. Види-

мо, о ней просто не знали, подтверждением чему служит то обстоятельство, что в словаре языка Калевалы Аймо Турунена [Turunen 1979] топоним *Aluenjärvi* оставлен без этимологии.

Еще более значима этимологическая интерпретация этнонима *suomi*, которую Бубрих убедительно вписывает в исторический контекст древних германских контактов. В языке германцев самоназвание древних жителей Финляндии саамов *sabme* в соответствии с закономерностями древнегерманской фонетики преобразовалось в **soom-*. В ходе формирования прибалтийско-финского населения германцы перенесли этот этноним на него. На следующем этапе этноним был воспринят от германцев финнами и закономерно преобразован в *suomi*. В примечании к этимологии Бубрих совершенно справедливо замечает, что этнонимы редко объясняются средствами собственного языка, поскольку даются, как правило, соседями [Бубрих 1933: 318–319]. Естественно, что истоки этнонима *suomi* исследователи искали задолго до Бубриха, и было понимание того, что он должен входить в одно этимологическое гнездо с этнонимами *saame* ‘саамы’ и *häme* ‘емь’, восходящими к древнему балтийскому заимствованию **sāmā*. Однако не удавалось убедительно объяснить, с одной стороны, инициальный **s*, с другой стороны, долгий гласный первого слога **-oo-*, преобразовавшийся далее в дифтонг *-uo-* в *suomi*. К большому сожалению, интерпретация Бубриха не попала в прибалтийско-финское исследовательское поле, и понадобилось еще 60 лет, чтобы к такому алгоритму объяснения истоков этнонима пришел известный финский индоевропеист Jorma Koivulehto, исходивший, правда, не из германского, а из балтийского посредства [Koivulehto 1993: 400–406]. Германское посредство предложил несколько лет спустя Riho Grünthal [Grünthal 1997: 51–72]. Окончательно этимологическая парадигма, верно угаданная Бубрихом почти столетие назад и оставшаяся неизвестной, закреплена Этимологическим словарем финского языка [SSA] в 2000 г.

Сейчас, по прошествии времени, в связи с появлением новых материалов и новых интерпретаций Калевалы становится очевидной излишняя категоричность Бубриха в вопросе западнофинских истоков калевальской поэзии. Эта поэзия многослойна и включает в себя как общеприбалтийско-финский пласт, так и более поздние напластования, в том числе и связанные с древнескандинавскими связями, сложившимися на западе Финляндии. Однако, вряд ли все это дает основания для осуждения Бубриха и его позиции, тем более, что он сам ее уже осудил. С позиций сегодняшнего дня это один из фактов истории фольклористики и Калевалы в России.

Диссертация В. П. Мироновой «Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции», а так же выход «Эпических песен Южной Карелии» доказывают, что «руна была известна как в Карелии (Беломорской, Олонецкой, Приладожской), так и в Финляндии (губерния Северная Карелия, губерния Саво) [Миронова 2011: 35]. Современные эпосоведы предполагают, что в рунах «Калевалы» как полистадиальном памятнике важен прежде всего древнейший архаический пласт. По словам одного из крупнейших мифологов Е. М. Мелетинского, «в «Калевале», как и в других архаических эпосах, доминирует не воинская героика и богатырская самонадеянность, <...>, а мудрость, магическая сила, творческий порыв в космогонии и мирном труде, своего рода «прометеевский пафос», чуждый классическим формам героического эпоса...» [Мелетинский 1985: 80].

Когда в 1933 году художники филоновской школы приступили к работе над иллюстрированием «Калевалы», им была известна только точка зрения Д. В. Бубриха на происхождение рун. Филоновцам было предложено оформить «Калевалу» как памятник в западнофинской интерпретации. И «Калевала» стала для них своеобразным окном в Европу. Они четко осознавали, что имеют дело с памятником словесности Северо-Запада. В письме в производственный сектор издательства «Academia» в Москву Филонов это подчеркивал: «Мы обращаем Ваше внимание на то, что неправильно подобранные цвета и силовые отношения цветов превращают переплет в какую-то вычурную азиатчину, как дамасская сталь, а в «Калевале» мы имеем дело с Северо-Западом Европы в сложнейших национальных взаимодействиях, на что и рассчитан наш рисунок переплета» [Филонов 2000: 216–217]. Теоретически филоновцы начали работать над «Калевалой» как над финским памятником, восходя-

щим к временам финского католического средневековья. Но подлинное искусство оказалось выше теоретических установок. Вживаясь в калевальские образы – а большой художник-иллюстратор всегда является не только интерпретатором, но и соавтором материала, над которым работает – они почувствовали древнейшую архаику, первобытный синкретизм мышления, «хтоническую» наднациональную символику Севера. Софья Людвиговна Закликовская, одна из иллюстраторов (1906–1978) вспоминала: «Мы изображали не отдельные эпизоды, а полузабытую подоснову. Вы видите, что пространство просвечивается сквозь пространство, а время переливается сквозь время. Мы называли это – концентрированное время и пространство» [Покровский 2008: 341].

Своими графическими работами филоновцы на десятилетия предвосхитили открытия фольклористов. То, что было не выявлено наукой 1920–1930-х годов, выявили художники.

Школа Филонова [С. Л. Закликовская].
Страничная иллюстрация на вкладном
листе «Куллерво-батрак», руна 31-я
«Рождение и воспитание Куллерво»

«Калевала» заворожала их воображение своей архаичностью явно докатолического происхождения, времен прибалтийско-финской общности. Кстати, именно за выявление в «Калевале» эстетики древнейшего архаического пласта, что являлось несомненным достоинством филоновцев, критика 1930-х годов подвергла иллюстрации осуждению: «Преобладающий уклон – в сторону архаизации. Эта архаизация, чаще всего достигаемая приемами, идущими по линии наименьшего сопротивления, – подражанием иконописи, лубку. <...> Крайне неудачно изображение древних героев в карикатурном виде с подчеркнутыми типическими чертами» [Пальвадре, Худяков 1934].

Памятник словесности, созданный многими рунопевцами, был проиллюстрирован коллективом художников. В результате родилась новая эстетика, образец нового графического искусства. Мастера аналитического искусства, одержимые единой идеей «Калевалы» и вынужденные подчиняться жесткому канону (в данном случае роль канона выполнили художнические указы и заветы П. Н. Филонова), были похожи на мастеров единой иконописной школы, создавшей коллективное, художественное письмо. Мастера и ученика

связывало «полное единство духовных и моральных принципов, принятие общих обетов почти религиозного братства, принятие особой веры, самодисциплины и самоограничений» [Мислер 1982: 241]. Художники показали свое ощущение натурфилософии эпоса и в то же время добивались максимальной «сделанности» иллюстраций. «Мы были объединены одной целью, – вспоминал Михаил Цыбасов, – исследуя живописью жизнь, передать наиболее законченные ее формы, придать живописи атомистическую сделанность и поставить на службу народу» [Бондаренко 1985: 98]. Ощущение архаичного мира, смена эпох древних и исторических, чередование небесного и земного подчеркивается формами «неопримитивного» рисунка.

Особенно это ощутимо в страничной иллюстрации Софьи Людвиговны Закликовской к циклу рун о Куллерво, (помещенной между страницами 192 и 193 – конец руны 31 («Рождение и воспитание Куллерво») и начало руны 32 («Куллерво служит пастухом»). Возможно, художница сама не ожидала, какого результата она сможет достичь, «просвечивая время сквозь время». В рисунке абсолютно отсутствует традиционное понимание композиции, перспективы, пространства, одних только линий горизонта пять. Небо проходит сквозь землю, и даже через человека. Земля и вода едины, едины и времена года: зима (лесоруб в валенках на заднем плане, рубит сосновый ствол) и лето (босой Куллерво стоит среди бурных вод поро-

жистой северной реки, возле его ног рыбы, тут же разворачивается сюжет из истории вражды двух братьев Унтамо и Калерво.

Школа Филонова
[М. П. Цыбасов].
Полустраничная
заставка к руне 34-й
«Куллерво находит
своих родителей»

Тело его как бы прозрачно и сквозь него видны речные волны, бьющаяся в сетях большая рыба, угол бревенчатой избы, перевернутая лодка на камнях. Изображенные в диагонали река, небо, земля, животные, рыбы, сливаются в один поток жизни, устремлены в одном направлении, указанном рукой, сжатой в кулак. Эта же диагональ поддерживается линией плеч и расположением топорича. Поток-стрела тянет Куллерво к испытаниям – злым знаком выглядит открытая пасть щуки. Судя по его суровому лицу, он к ним готов, он их жаждет. Путь мести – это тупиковый путь. «Отмстив за оскорбление, он становится сам оскорбителем. Свое страдание не изжить страданием других, – размышляла художница» [Покровский 2008: 341]. На месте сердца изображено единственное на рисунке молодое растущее деревце, словно доказывающее, что трагический герой изначально был добр, и его путь мог бы быть другим.

Это почувствовал Михаил Цыбасов и передал в иллюстрации к руне 34-й «Куллерво находит своих родителей». Куллерво бережно обнимает мать после многих лет разлуки, согревает ее своими большими ладонями. В трагической судьбе матери и сына художник находит счастливый момент – их встречу и создает образ Куллерво не в минуты позора и отчаяния героя, а в момент радости и подлинной человечности.

Образ Куллерво в страничной иллюстрации Цыбасова к руне 36-й («Смерть Куллерво») уже совсем иной, чем образ Куллерво в иллюстрации к руне 34-й. Жестокий взгляд, открытый в гневе рот. На него с осуждением и жалостью смотрят лошадь и собака. И если в иллюстрации С. Закликовской на месте сердца у Куллерво нарисовано деревце, то в иллюстрации Цыбасова деревце расположено под ногами мстителя. Дерево как символ рода, мироздания. Куллерво перешагивает через него, идя навстречу гибели.

В работе над фронтисписом Цыбасов, возможно, учел точку зрения Д. В. Бубриха, относившегося к калевальцам как викингам. Фронтиспис выполнен в красно-синей цветовой гамме. Декоративность, локальный цвет, историческая направленность позволяют поставить эту работу в один ряд с картинами раннего Николая Рериха на варяжские темы. Но Цыбасов стремится передать мир своих героев через портрет – через изображение лица и рук. Изображению рук придается едва ли не самое важное значение. Художник прописывает пальцы, сжимающие весла и даже ногти. Действуя «точкой», Цыбасов воссоздает средневековый орнамент на костюмах и оружии. А колдующий взгляд голубых глаз рулевого, длинная седая борода и полуоткрытый, словно в песне, рот, выдает в богатыре не столько воина, сколько певца.

В страничной иллюстрации Нины Ивановой к руне 42 «Похищение Сампо» значительно больше подчеркивается воин-

Школа Филонова [Н. Ивановой].
Страничная иллюстрация на вкладном листе
«У хозяйки Похьёль», руна 42-я «Похищение Сампо»

ственность героев: грозные лица в шлемах, в руках боевые топоры, на заднем плане изображены силуэты елей, они повторяют линию копья, остриё которого как бы делит иллюстрацию на две части – с одной стороны – Лоухи, с другой – калевальцы. В иллюстрации Н. Ивановой изображены явно средневековые воины, в контексте бубриховской статьи. У Лоухи сжатый кулак, подчеркнута острый профиль. Филонов благосклонно отнесся к этой страничной иллюстрации художницы, 5 января 1934 года он пришел к Нине Ивановой, чтобы сказать о выходе «Калевалы»: «Мне было приятно смотреть, ... как оживились радостью лица Ивановой и ее мужа ... Муж Ивановой, гордый и счастливый счастьем и успехами своей жены, налюбовавшись ее иллюстрациями и "Калевалой" в целом, подарил мне папиросу Кемалю-Паши» [Филонов 2000: 230].

Участие И. М. Майского в отборе иллюстраций порой шло на пользу книге. Однако в отводе форзацев, возможно, И. Майский сыграл определенную роль. Сначала ему не понравился красный цвет головы одного из калевальцев, нарисованной на форзаце Алисой Порет,

Школа Филонова. «Калевала». Суперобложка

что, на его взгляд, могло финскому читателю внушить мысль о красной опасности, затем, возможно, из перестраховки он решил отказаться от форзацев вообще, хотя один из форзацев Елена Борцова выполнила синим и белым – цветами финляндского флага, «как просила Москва». Но Москва отвела и этот форзац Борцовой, «прекраснейшую вещь» по выражению Филонова.

При отсутствии форзацев большее значение стало придаваться суперобложке – ее делали коллективно. Филоновцы создали красочный, удивительный по разнообразию цветовой гаммы образ Финляндии. Евгений Ковтун называл эту акварельную работу «Суоми <...> с высоты птичьего полета, не только в зримом, но умопостигаемом образе» [Ковтун 1985: 265]. В единой, совершенной гармонии, показаны люди и птицы, животные и травы. Абстрактные формы сочетаются с вполне реалистическими образами. Красный, синий, терракотовый, охра в сложнейших сочетаниях напоминают филоновскую «Формулу весны», но в отличие от нее здесь все узнаваемо. В такой суперобложке «Калевала» 1933-го года издания вышла в свет в самом начале 1934-го года. Павел Филонов и Михаил Цыбасов параллельно описывают в своих дневниках ее появление на прилавках книжных магазинов:

Павел Филонов:

4 января 1934 года. Я ждал не только ее выхода, но и любой провокации, вплоть до отвода ее в целом и изъятия, я удивился, что не очень-то обрадовался ее выходу. Чудо, что при такой травле на нашу школу эта книга все же вышла [Филонов 2000: 229–230].

Михаил Цыбасов:

4 января 1934 года. Это было неожиданно и наибольшая экспансивность была, конечно, со стороны К[атерины] Ал[ександровны] (жена П. Н. Филонова. – авт.) [Цыбасов 2009: 159].

Выход «Калевалы» вызвал одобрение в дипломатических кругах. Большая часть тиража ушла в Финляндию.

«Калевала» сплотила филоновцев, утвердила их в вере в собственные силы и в филоновский метод. Художники смогли проникнуть в глубину архаических калевальских образов,

передать личные человеческие чувства героев, изобразить смешение времен и пространств, встречу язычества с христианством, передать напластования разных эпох, все то, что стало предметом изучения исследователей-фольклористов десятилетия спустя.

Фольклористические идеи Д. В. Бубриха были со временем откорректированы исследователями, а языковые этимологии, открытые ученым, еще только вводятся в научный оборот. Они не только не устарели, но поистине являются новыми фактами науки. То, что в издании «Калевалы», вышедшей в 1933 году, в сложнейший период истории, соединились имена Д. В. Бубриха и П. Н. Филонова, делает это издание выдающимся явлением в мировой культуре.

Литература

- Бондаренко В. Г. Летописец северного края // Север. 1985. № 10. С. 95–100.
- Бубрих Д. В. Из истории Калевалы // Калевала. Перевод Л. П. Бельского под ред. Д. В. Бубриха. М.-Л.: Academia. 1933. С. IX–XX; Примечания, с. 311–323.
- Бубрих Д. В. Об одной моей грубой ошибке // На рубеже. 1949. № 1. С. 121–122.
- Бубрих Д. В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 142–151.
- Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. В 2 т. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1.
- Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Наука, 1994. 240 с.
- Ковтун Е. Графическая «Калевала» // Советская графика. М.: С. X., 1985. С. 259–266.
- Мелетинский Е. М. «Калевала» в сравнительном освещении // «Калевала» – памятник мировой культуры: Материалы науч. конференции, посвящ. 150-летию первого изд. карело-фин. эпоса. 30–31 января 1985 г. Петрозаводск, 1985. С. 79–81.
- Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции. Дисс. ... канд. фил. наук. Петрозаводск, 2011. 230 с.
- Мислер Н. Павел Николаевич Филонов: Слово и знак (По следам архивных материалов) // Russian Literature, XI, Amsterdam, 1982. С. 241. Цит. по: Марушина Г. Комментарии // Филонов П. Н. Дневник. СПб.: Азбука, 2000. С. 455–592.
- Пальвадре М., Худяков М. «Калевала» // Советская этнография. 1934. № 3. Цит. по: Марушина Г. Комментарии // Филонов П. Н. Указ. соч. С. 455–592.
- Покровский О. В. Тревогой и пламенем (Воспоминания о П. Н. Филонове) // Павел Филонов: реальность и мифы. М.: Аграф, 2008. С. 282–361.
- Прушинская Н. А. Изучение «Калевалы» в СССР (1917–1945): Библиографический обзор // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1988. С. 71–82.
- Сойни Е. Г. Беседа с Эйно Карху в канун юбилея ученого // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 22–37.
- Филонов П. Н. Дневник. СПб.: Азбука. 2000. 672 с.
- Цыбасов М. П. Дневник // Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М.: Наука, 2009. С. 132–220.
- Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnnyymit. Kastrenianumin toimitteita 51. Heksini, 1997.
- Haavio M. Karjalan jumalat. Porvoo, 1959.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja 1–6. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 1968–2005.
- Koivulehto J. Suomi // Virittäjä100, 1993. S. 400–408.
- Krohn K. Kalevalan runojen historia. Helsinki: SKS. 1910.
- Palander M. Susi-havainto Itä-Suomesta // Kielikello. 2013. № 4.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
- Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappenranta, 1979.